

Рюкзак был набит этими вещами, и вплоть до самого выхода из машины лицо Линь Сюэцэ всё оставалось пунцовым.

Чжун Цинлин приехала в съёмочную группу раньше него. Узнав, что сегодня должен прибыть Линь Сюэцэ, она специально вышла встретить его у входа.

Заметив, что его щёки заливают румянец, Чжун Цинлин с заботой спросила:

— Ты, наверное, устал после дороги? Ничего не болит? Может, стоит сходить к врачу?

Линь Сюэцэ поспешно замотал головой:

— Нет-нет, всё в порядке. Просто в машине было немного жарко. Сейчас пройду, подышу воздухом — и всё пройдёт.

Увидев, что он выглядит вполне бодрым, Чжун Цинлин слегка облегчённо выдохнула.

— Ну и хорошо. Сейчас похолодало, нужно беречься. Юань-Юань вообще-то хотел поехать со мной, но я увидела, что в группе многие простужены, и побоялась, что он тоже заразится. Поэтому оставила его у бабушки с дедушкой. Он из-за этого даже немного обиделся...

После того как Чэнь Сянхуэй пережил своё громкое «социальное фиаско», Чжун Цинлин начала оформлять развод.

Пока она ещё была в браке, ей казалось: стоит только развестись — и стоит правде о домашнем насилии всплыть наружу, как люди будут над ней смеяться. На Чжун Юаня тоже станут смотреть свысока. Казалось, что после этого жизнь навсегда потеряет вкус.

Но когда она действительно решилась и сделала этот шаг, вдруг обнаружила: выйти из этого круга оказалось вовсе не так трудно.

Мир после развода оказался куда свободнее и ярче, чем она могла себе представить.

И Чжун Юань тоже стал гораздо более открытым и жизнерадостным, чем раньше.

Теперь, если Чжун Цинлин не брала его на съёмочную площадку, он даже мог вспылить и устроить ей маленькую сцену. Раньше подобное было просто немыслимо.

Большинство родителей переживают, что их дети слишком шумные и непослушные. А у Чжун Цинлин всё было наоборот.

Когда Чжун Юань иногда позволял себе вести себя по-детски, это, напротив, наполняло её неожиданной радостью.

Слушая её, Линь Сюэцэ видел, как при упоминании сына её лицо светится счастьем, и тоже невольно порадовался за неё.

— Кстати, ты ведь ещё не ел? — сказала Чжун Цинлин. — Неподалёку есть неплохая лапшичная. Ли Шэн всё время её расхваливает. Говорят, у них сейчас как раз какая-то акция. Давай зайдём попробуем.

Она улыбнулась и добавила:

— Заодно пройдемся, осмотришься, привыкнешь к местности. И просто прогуляемся, подышим

свежим воздухом.

Линь Сюэцэ кивнул. Оставив багаж в машине, он пошёл следом за Чжун Цинлин.

Город Шаньнань был небольшим внутренним городком. В его пригородах до сих пор во многом сохранялась архитектура девятидесятых годов. Через эти места извивалась река, а на её берегу располагалась деревня под названием Цзиншуй — Деревня Чистой Воды. Она как нельзя лучше подходила для нужд съёмочной группы.

Из-за того что экономика города была развита слабо, а многие кварталы напоминали обветшавшие «городские деревни», молодёжь обычно уезжала на заработки в другие места. Здесь оставались жить в основном лишь местные жители, продолжая тихо вести свою жизнь.

По дороге им почти не встречались молодые люди. Зато то и дело попадались пожилые и люди среднего возраста, а у обочин играли дети. Вся деревня дышала тихим, спокойным умиротворением.

Деревня Цзиншуй была совсем небольшой. Лапшичная находилась в самом её центре — всего в нескольких сотнях метров от съёмочной площадки.

Ещё издавек Линь Сюэцэ заметил вывеску. Помимо крупных, бросающихся в глаза иероглифов «Лапшичная Чжан», у входа висел ярко-красный баннер.

«В семье хозяев пополнение — на все блюда из лапши скидка 10%».

Красная ткань и белые крупные иероглифы тянулись одной строкой и висели на самом заметном месте перед входом. Стоило ветру подуть — баннер начинал раскачиваться, становясь ещё заметнее.

Хотя самого хозяина Линь Сюэцэ ещё не видел, по одному только баннеру уже чувствовалась радость этой семьи.

— Значит, у них дома счастливое событие, — с улыбкой заметил он.

Такие баннеры он уже видел раньше. Правда, там обычно писали, что ребёнок хозяев поступил в университет Цинхуа — и скидка тоже служила способом поделиться радостью.

Сама лапшичная была небольшой, но внутри оказалось чисто и аккуратно.

Когда Линь Сюэцэ и Чжун Цинлин вошли, они сразу увидели, что хозяйка — супружеская пара.

Обоим на вид было около сорока, но лица у них казались желтоватыми и уставшими — возраст будто завис где-то между зрелостью и старостью.

Даже по сравнению с Чжун Цинлин, не говоря уже об У Гэе, они выглядели значительно старше. Рядом с ними даже У Гуй казался куда моложе.

Линь Сюэцэ и Чжун Цинлин переглянулись — и оба всё поняли без слов.

Неудивительно, что они так радуются рождению ребёнка. Видимо, эта немолодая пара наконец-то дождалась собственного малыша.

В этот момент хозяин сидел за столом и перебирал приправы, а хозяйка устроилась рядом, весело поигрывая с младенцем в детской коляске.

Услышав, что кто-то вошёл, мужчина поднял голову. Когда его взгляд упал на Чжун Цинлин, он на мгновение застыл, а потом быстро её узнал.

— Вы... Чжун Цинлин?!

Чжун Цинлин улыбнулась:

— Здравствуйте. Да, это я.

— Я слышал от деревенских, что вы приехали сюда сниматься, но думал, они просто слухи распускают. А выходит, вы и правда здесь! — радостно сказал хозяин. — Пришли лапши поесть? Тогда я приготовлю вам настоящее угощение — бесплатно, ничего платить не нужно.

— Ой, ну что вы, как неловко... Нам достаточно двух порций вашей фирменной лапши, — с улыбкой ответила Чжун Цинлин.

Хозяин широко улыбнулся:

— В мою лапшичную актёры заглядывают редко — для меня это большая честь! Но фирменная лапша слишком простая. Такие большие звёзды, как вы, к такому, наверное, не привыкли. Я приготовлю что-нибудь получше — гарантирую, будет вкусно!

Чжун Цинлин поспешно замахала руками, пытаясь отказаться.

Видя это, хозяин тут же предложил другое:

— Тогда, может, так: если лапша вам понравится, напишите про нас в Weibo, прорекламируйте немного. Считайте, что это будет платой за еду. Как вам?

Услышав это, Чжун Цинлин сразу поняла, к чему он клонит.

Хотя с момента её развода прошло уже некоторое время и она уже не так часто появлялась в трендах, в Weibo её популярность всё ещё оставалась очень высокой.

Хозяин лапшичной явно хотел, чтобы Чжун Цинлин прорекламировала его заведение.

Да, когда-то она по глупости позволила Чэнь Сянхуэю затащить себя в «могилу брака», но это вовсе не означало, что она глупа как человек.

Чтобы столько лет удерживаться в индустрии развлечений, нужно было обладать определённой хваткой — несколькими словами её не так-то легко было уговорить.

— Я специально пригласила друга попробовать вашу лапшу. Сегодня я обязательно должна заплатить, так что, не отнимайте у меня шанс проявить себя, — сказала Чжун Цинлин.

Произнеся это, она заметила рядом младенца и тут же повернулась к коляске, с любопытством разглядывая малыша.

Увидев это, хозяин бросил быстрый взгляд на жену и, подав ей знак глазами, развернулся и ушёл в кухню заниматься делами.

Женщина заметила интерес Чжун Цинлин к ребёнку и сразу подошла, улыбаясь:

— Этот негодник всего два месяца как родился, а уже понимает, где красавицы. Я его только что полчаса уговаривала, а он и бровью не повёл.

Чжун Цинлин удивлённо взглянула на неё:

— Уже два месяца?

Малыш был худенький, крошечный, кожа у него была тёмная, почти смуглая. Глаза крепко закрыты, лицо сморщено складками.

Чжун Цинлин сначала подумала, что ребёнок только недавно родился и ещё не прошёл даже первый месяц. Она никак не ожидала, что ему уже два.

Её удивление оказалось слишком явным — скрыть выражение лица она не успела.

Улыбка на лице женщины на мгновение застыла. Она неловко усмехнулась:

— Этот негодник... не любит пить молоко, спать не хочет, зато плачет постоянно. Поэтому он и меньше обычных детей. Но он же мальчик — подрастёт, станет высоким и крепким.

Чжун Цинлин смотрела на ребёнка и чувствовала что-то странное, но не могла сразу понять, что именно её смущает.

Женщина держала малыша на руках и тем временем оживлённо расспрашивала Чжун Цинлин о её работах, не переставая расхваливать её как большую звезду.

Чжун Цинлин примерно понимала, что тема снова перескочит на рекламу их заведения. Но, глядя на женщину, она не могла прямо отказаться — лишь сказала, что подумает об этом после того, как они поедят лапшу.

Услышав, что Чжун Цинлин вроде бы склоняется согласиться, хозяйка заметно успокоилась. Увидев, что ребёнок всё так же лежит неподвижно, она достала несколько самодельных ломтиков женьшеня и поднесла их к губам малыша, дразня его.

Чжун Цинлин наблюдала за её действиями.

В другой ситуации она, вероятно, просто сделала бы вид, что ничего не заметила.

Но сейчас кусочки женьшеня уже оказались у ребёнка во рту. Малыш и так был слабым и худым — если давать ему всё подряд, казалось не лучшей идеей.

Как мать, она больше всего на свете не выносила, когда страдали дети. Немного подумав, она всё же тихо сказала:

— Мне кажется... маленьким детям не очень хорошо давать такое.

Женщина улыбнулась:

— Это народный рецепт из моей родной деревни. Если ребёнок ест такое, у него появляются силы, он будет расти.

— Но... он ведь совсем маленький. Организм слабый, ему тяжело переваривать такие сильные средства, — не удержалась Чжун Цинлин. — Вы показывали его врачу? Может, в больнице сказали, чего ему не хватает? Лучше послушать врача и заняться лечением — тогда всё наладится.

Стоило ей произнести это, как выражение лица женщины сразу потемнело.

Ведь все знали, что ребёнок Чжун Цинлин родился без одного уха.

А теперь же она вдруг услышала от Чжун Цинлин, будто её ребёнку чего-то не хватает.

Снаружи это звучало как забота — но кто знает, не проклинает ли она на самом деле её сына?

Женщина заметно помрачнела, но, вспомнив, что ей всё ещё нужна помощь Чжун Цинлин, подавила раздражение и сказала:

— С моим сыном всё в порядке. Зачем нам идти в больницу? Мальчики крепкие, у них ни болезни, ни беды в дом не приходят.

Услышав это, Чжун Цинлин лишь беспомощно вздохнула:

— Это никак не связано с тем, мальчик или девочка. К тому же научно доказано, что некоторые редкие заболевания у мальчиков встречаются даже чаще, чем у девочек. Поэтому, когда растишь сына, нужно быть особенно внимательной...

— Говорят, у вашего сына нет уха? — вдруг перебила её хозяйка, не дав договорить.

Чжун Цинлин опешила. Она никак не ожидала, что та внезапно заговорит о Чжун Юане.

Увидев, как Чжун Цинлин ошарашенно смотрит на неё, женщина скривила губы, окинула её взглядом с головы до ног и холодно сказала:

— Вместо того чтобы лезть в чужие дела, лучше бы сначала своего как следует вырастили.

По выражению её лица Чжун Цинлин сразу поняла, что, похоже, всё-таки разозлила хозяйку.

Конечно, то, что та вдруг заговорила о Чжун Юане, тоже неприятно задело её, но она понимала — началось всё из-за её собственных слов.

— Вы неправильно поняли, я вовсе не это имела в виду, — поспешно сказала она.

Но хозяйка не приняла её объяснений. Она холодно фыркнула, пробормотала что-то вроде «накликала беду» и, прижав ребёнка к груди, развернулась и ушла.

Чжун Цинлин и сама не ожидала, что всё обернётся так неловко. Видя, как женщина раздражённо уходит, она смущённо повернулась к Линь Сюэцэ:

— Прости, Сюэцэ... устроила тут представление.

Но Линь Сюэцэ в этот момент неподвижно смотрел вперёд.

Чжун Цинлин удивлённо позвала:

— Сюэцэ? Сюэцэ?

Он вздрогнул и будто очнулся:

— Прости... я задумался.

— Тебе плохо? Может, укачало? — сразу обеспокоенно спросила она.

— Нет, — покачал головой Линь Сюэцэ.

Но он не удержался и снова поднял взгляд в ту сторону.

В это время хозяйка уже уносила ребёнка вглубь заведения.

Крошечный младенец — чёрный от загара, худой, почти как маленькая обезьянка — лежал, прижавшись к матери.

Пока Чжун Цинлин разговаривала с хозяйкой, глаза ребёнка всё время были закрыты.

Теперь же, когда Линь Сюэцэ посмотрел на него, малыш внезапно открыл глаза.

Его зрачки были странно огромными — почти заполняли всю глазницу. И когда он посмотрел на Линь Сюэцэ, взгляд его оказался тёмным, глубоким... совершенно не похожим на взгляд невинного младенца.

Ледяная дрожь пробежала по спине Линь Сюэцэ, холод стремительно поднялся вверх, и всё его тело словно окоченело — руки и ноги стали ледяными.

— На что ты смотришь? — заметив странное выражение на его лице, спросила Чжун Цинлин и тоже обернулась туда, куда был направлен его взгляд.

Но хозяйка уже скрылась на кухне, и Чжун Цинлин, конечно, ничего не увидела.

Линь Сюэцэ медленно произнёс:

— Мне кажется... с этим местом что-то не так.

На самом деле, едва переступив порог этой лапшичной, Линь Сюэцэ уже почувствовал внутри себя странное, почти неуловимое ощущение.

Здесь витала какая-то знакомая аура — и в то же время холодная, мрачная, пробирающая до костей.

Пока Чжун Цинлин разговаривала с хозяйкой, Линь Сюэцэ незаметно осматривал помещение.

Теперь он был уверен: этот ледяной холод исходил от того самого младенца.

Но вот знакомая аура... кому она могла принадлежать?

Не хозяину и не хозяйке. В этой лавке, кроме их маленькой семьи из трёх человек, никого больше не было...

В голове Линь Сюэцэ возникло множество вопросов. Жаль только, что У Гуй сейчас не был рядом — приходилось держать все сомнения при себе.

Хотя формально он и был Королём Демонов, на деле он занял этот титул почти случайно.

Даже то, как именно он стал этим самым королём, он до конца не понимал — что уж говорить о других вещах.

Не то что У Гуй. Тот совершенствовался столько лет, что иногда Линь Сюэцэ ещё не успевал задать вопрос, а У Гуй уже всё ему объяснял.

«Когда в доме есть старший — это всё равно что иметь сокровище», — невольно подумал он.

Услышав его слова, Чжун Цинлин тоже кивнула:

— Эта семья и правда какая-то странная.

Она только договорила, как у неё вдруг зазвонил телефон.

Чжун Цинлин взглянула на экран и сказала:

— Ли Шэн вернулся. Говорит, он всё это время был неподалёку.

— Тогда пойдём к режиссёру, — сказал Линь Сюэцэ.

— А лапшу не будем есть? — спросила Чжун Цинлин.

Линь Сюэцэ огляделся по сторонам и покачал головой.

Странная, зловещая атмосфера в этой лапшичной полностью отбила у него аппетит.

Чжун Цинлин, если честно, тоже уже не хотелось есть. Они оплатили заказ, предупредили хозяев и быстро вышли наружу.

Стоило им покинуть лапшичную, как оба невольно выдохнули.

Тёплое послеобеденное солнце лилось с неба, мягко освещая их лица. Свет был ярким и живым — и у обоих возникло почти странное чувство, будто они только что вернулись в мир живых.

— Режиссёр Ли раньше не был на площадке? — чтобы развеять напряжение, спросил Линь Сюэцэ.

— Он заболел. И, кажется, его мама тоже чувствует себя не очень хорошо, поэтому он взял выходной на день, — ответила Чжун Цинлин.

Затем она посмотрела на переулок слева и сказала:

— А вот и он.

Линь Сюэцэ повернул голову.

Но первым, кого он увидел, оказалась вовсе не взрослый мужчина, а маленькая девочка в чёрной одежде.

Она стояла в глубине переулка. Её волосы были такими же чёрными, как и одежда, и только кожа — неестественно бледная, почти светящаяся.

Казалось, она почувствовала его взгляд.

В тот момент, когда Линь Сюэцэ посмотрел на неё, девочка резко повернула голову и стремглав побежала дальше вглубь переулка.

Через мгновение она уже исчезла из его поля зрения.

В груди Линь Сюэцэ поднялось странное, трудноописуемое чувство. Он уже собирался сделать несколько шагов вперёд, чтобы посмотреть, куда убежала девочка, как вдруг совсем рядом раздался испуганный мужской вскрик.

Поскольку голос прозвучал почти у самого уха, Линь Сюэцэ рефлекторно обернулся.

Перед ним стоял молодой мужчина.

Короткие волосы, круглое лицо, глаза чуть больше обычного — большие и круглые, как у рыбы. Сейчас они были широко распахнуты, и мужчина смотрел на него с явным ужасом.

Линь Сюэцэ растерянно уставился на него в ответ.

Казалось, будто аура Линь Сюэцэ каким-то образом воздействует на этого человека: чем ближе они находились друг к другу, тем шире становились его глаза.

Одновременно кожа мужчины начала слегка краснеть, а под лучами солнца на ней даже проступал золотистый отблеск.

Из-за этой странной перемены он выглядел почти как большая круглая золотая рыбка — не хватало только хвоста, чтобы уплыть по воде.

Мужчина вдруг завизжал:

— Не подходи ко мне!!

Не успев договорить, он опустил взгляд на собственную кожу, заметил, как изменился её цвет, и его лицо исказилось ещё большим ужасом. В следующую секунду он резко развернулся и бросился бежать.

Линь Сюэцэ недоумённо смотрел ему вслед.

И вдруг ему показалось... что от этого мужчины тоже исходит какая-то знакомая аура.

Но он не успел толком об этом подумать.

Увидев, как тот убежал, Чжун Цинлин тут же погналась за ним:

— Ли Шэн! Что с тобой? Куда ты?!

Линь Сюэцэ потрясённо посмотрел сначала на неё, потом на убегающего мужчину.

Это... Ли Шэн?!

Хотя Ли Шэн изо всех сил пытался бежать, его ноги двигались странно — словно рыбий хвост, беспорядочно метаясь из стороны в сторону. Из-за этого он почти не мог ускориться.

Послеобеденное солнце освещало его тело, и на коже проступали золотые чешуйки, отражая свет.

К счастью, в этот час вокруг почти никого не было — эту сцену видели только Линь Сюэцэ и Чжун Цинлин.

В этот момент ошеломлён был не только она — даже Линь Сюэцэ стоял как громом поражённый.

Ли Шэн... что, прямо на месте начал превращаться в звериную форму??

Чжун Цинлин уже догнала его, и Линь Сюэцэ тоже не стал медлить. Он быстро поспешил следом — сначала нужно было отвести Ли Шэна в какой-нибудь укромный угол и дать ему успокоиться.

Линь Сюэцэ не заметил, что, когда он ушёл, маленькая девочка, скрывавшаяся в глубине переуллка, медленно вышла из тени.

Её волосы прилипли к лицу, одежда тоже была влажной — словно она только что выбралась из воды.

Шаг за шагом она направилась к лапшичной Чжана.

Внутри хозяин как раз закончил готовить лапшу и вышел в зал, только чтобы обнаружить, что Чжун Цинлин и Линь Сюэцэ уже ушли.

Возможность получить бесплатную рекламу буквально уплыла из рук. Мужчина сердито выругал жену, а затем, увидев, что гости уже оплатили заказ, решил, что оставлять две порции лапши пропадать будет жалко.

Он позвал жену сесть вместе и поесть.

Мужчина-хозяин лавки ткнул пальцем в сторону жены и с досадой, словно ругая её за безнадёжную глупость, сказал:

— Да пусть бы эта Чжун Цинлин просто сделала нам небольшую рекламу! Представь: она позовёт своих фанатов — те начнут приходить, отмечаться, и наша лапшичная вмиг станет

модным местом, «интернет-кафешкой». Нам бы потом хватило жить припеваючи несколько лет! А ты... — он сердито покачал головой. — У тебя же утка уже была в руках, а ты умудрилась её упустить. Что с тебя взять — женщина. Ни на что не годна.

Хозяйка, выслушав поток брани, которым её буквально окатили с головы до ног, ответила с явным раздражением:

— Она оклеветала нашего сына, сказала, что у него со здоровьем проблемы! А ещё заявила, что дочь крепче сына! Как, по-твоему, я должна была это стерпеть?!

Она фыркнула и продолжила, всё больше распаляясь:

— И что толку, что девчонка здоровая? Всё равно её придётся отдать Водяному Богу! Только так у нашей семьи появится настоящий мальчик. Вот он — корень рода Чжан!

Хозяин слушал её слова и вдруг будто о чём-то задумался. Он больше не спорил.

Женщина, заметив выражение его лица, тоже внезапно что-то вспомнила. Она опустила голову и замолчала.

Несколько минут в лавке стояла тяжёлая тишина.

Лишь спустя долгое время мужчина медленно произнёс:

— В следующем месяце — день рождения Чжаоди... её день рождения среди мёртвых. Надо бы сжечь для неё немного бумажных денег. Пусть попросит Водяного Бога проявить милость... чтобы он хранил нашу семью, чтобы у нас всё было спокойно и чтобы мы разбогатели.

Женщина пробормотала себе под нос:

— Бумажные деньги тоже ведь откуда-то взять надо... Сейчас всё для покойников становится всё дороже и дороже...

Мужчина, похоже, думал так же. Он немного поразмышлял и сказал:

—Сожжём немного — просто для вида. Чжаоди девочка была бережливая, ей много и не нужно.

Они как раз обсуждали это, когда дверь лапшичной вдруг распахнулась.

Хозяин решил, что пришёл посетитель. Он быстро поднялся со стула, уже собираясь натянуть приветливую улыбку.

Но в следующую секунду его лицо резко изменилось.

Он застыл всем телом.

Палочки, которые он держал в руках, выскользнули из пальцев и с тихим «пак» упали вниз.

Одна палочка ударилась о пол. Другая отскочила от стола, подпрыгнула и упала прямо в детскую коляску, ударив лежащего там младенца по лицу.

Малыш не пошевелился.

Он лежал совершенно неподвижно, будто спал так крепко, что даже ничего не почувствовал.

Женщина испуганно вскочила, поспешно вытащила палочку из коляски и сердито уставилась на мужа:

— Ты с ума сошёл?! Не мог быть осторожнее?!

Но мужчина словно её не слышал.

Он побледнел, всё его тело окоченело. Он неотрывно смотрел на дверь.

Спустя долгую секунду из его горла вырвались хриплые слова:

— Чжаоди... Чжаоди...

— С чего ты вдруг это имя вспомнил? — недовольно буркнула женщина, вытирая салфеткой масляное пятнышко с лица младенца. — Только накличешь беду...

— Чжаоди... вернулась... — дрожащей рукой он указал на дверь. Его трясло так, будто его пробирала лихорадка.

Женщина вздрогнула и повернула голову к входу.

Солнце незаметно спряталось за тучи.

За стеклянной дверью сгущались сумерки. В тусклом, мрачном свете дверь медленно толкнула маленькая девочка с мертвенно-бледным лицом.

Когда супруги посмотрели на неё, девочка подняла голову.

И показала им лицо, которое они знали слишком хорошо.

Это была их дочь.

Чжаоди.

Та самая девочка, которую они когда-то отправили в жертву Водяному Богу.

<http://bllate.org/book/14966/1575939>